

В 1907 г. — В. Н. Перетцом в Приложениях к киевским «Университетским известиям» № 8 по рукописям: Московск. Рум. муз. № 2771, XVIII в. (с. 40—44), Черниговской духовной семинарии № 89, XIX в. (с. 44—47) и № 83, XVIII в. (с. 47—48).

Наконец, в 1911 г. — Ан. Титовым по двум спискам XVIII в. собственного собрания. См. его брошюру «Повесть о Щиле (Новгородское сказание)», Москва, Печатня А. И. Снегиревой, 1911, VII—+ 24.

Первой попыткой научного анализа повести о посаднике Щиле, повидимому, следует считать краткую заметку о ней автора «Опыта о посадниках новгородских», Москва, 1821 (Дополнения, с. 303—305). Эта заметка сводится к пересказу сюжета повести по спискам Толстовского собрания № 107 (пыне — F. I. 323), № 72 (F. I. 407), № 195 (Q. XVII, 67) и к анализу ее исторической основы. По мнению автора, повесть о Щиле отражает собою определенное историческое событие, отмеченное новгородскими летописями, — основание новгородского Покровского монастыря мшихом Олоняем Шилом или Щилом.

Противоречивые показания летописей и повести относительно личности Щила понимаются автором в том смысле, что Щил был посадником, впоследствии принявшим монашеский чин. Основание монастыря он относит к 1410 г., опираясь в данном случае, повидимому, не только на свидетельство Летописца новгородского церквам божиим, но и на авторитет Амвросия.¹

В 1859 г. мимоходом коснулся повести Ф. Буслав в своей речи «О пародной поэзии в древнерусской литературе» (Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. II, СПб., 1861, с. 58—60). Ф. И. Буслав решительно отнес повесть о Щиле к памятникам «народной» поэзии и указал на ее тесную связь с древнерусским искусством, в частности, живописью. «Повествование о Щиле — говорит Ф. И. Буслав — принадлежит столько же истории народной поэзии, сколько и истории живописи. Это эпизод из народного стиха о страшном суде, и вместе, из иконописного изображения того же предмета. Повествование имеет предметом не вечную казнь над лихоимцем, а моление о том, чтоб душа его избавилась от казни, которая — как известно из старинных иконописных подлинников — для лихоимцев состоит в том, что бесы льют им в горло, а они сидят в огне, не хотят пить и отворачиваются» (с. 59).

¹ История российской иерархии. ч. VI, М., 1815, с. 728